

К 30-ЛЕТИЮ
ИНСТИТУТА ПСИХОЛОГИИ РАН

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД И РАЗРАБОТКА ПРОБЛЕМ ИСТОРИИ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

© 2002 г. В. А. Кольцова

Кандидат психол. наук, зав. лабораторией истории психологии
и исторической психологии ИП РАН, Москва

Рассматриваются методологические проблемы истории психологии. С позиций системного подхода анализируются пути и методы реконструкции развития психологического знания как целостной системы, детерминированной внутринаучными и социально-культурными факторами. Обосновывается необходимость использования в истории психологии количественных методов исследования.

Ключевые слова: история психологии, методология, системный подход, социокультурная детерминация развития психологического знания

Одним из базовых оснований осуществления реконструкции развития отечественной психологии, обоснованным методологически и последовательно реализуемым в конкретно-эмпирических исследованиях лаборатории истории психологии и исторической психологии ИП РАН, является принцип целостного системного подхода, разработанный применительно к психологии в работах Б.Ф. Ломова.

Этот принцип положен, прежде всего, в основу определения предмета истории психологии, не ограничивающегося лишь рассмотрением содержания, структуры и логики развития психологического знания, но включающего, наряду с этим, анализ социально-культурных условий, в которых оно формируется, и которые выступают в качестве его важной детерминанты; самого процесса получения нового знания, а также субъектную составляющую познавательной деятельности. Тем самым предметом целостного анализа становятся различные аспекты сложного и многогранного процесса развития историко-психологического познания как объекта истории психологии.

Целостный анализ предполагает рассмотрение психологического познания как сложного и многоступенчатого процесса, базовой области человеческого познания, возникающей у самых истоков историогенеза человека и сопровождающей всю последующую историю его развития.

Психологическое познание осуществлялось в различных формах и представлено разными уровнями отражения и понимания психической реальности, взаимодействующими друг друга и взаимодействующими в ходе познавательного процесса. Это: и “жизненные” представления, формирующиеся и отфильтровывающиеся в реальной жизненной практике человека; и искусство, изначально непосредственно включенное в бытие и характеризующееся своей антропологической направленностью; и мифология, представляющая собой проекцию человеком себя и своих свойств (в том числе, психологических) на окружающую действительность; и религия, являющаяся целостным знанием о человеке, субстанционализующим душу (психику) как особую реальность, играющую доминирующую роль в структуре человека. Но только в рамках античной культуры зарождается сугубо рациональная психологическая мысль и начинается история научного психологического познания. Как самостоятельная научная дисциплина психология оформляется в середине XIX века. Отсюда вытекает два вывода: 1) необходимо дифференцировать понятия “психологическое знание” и “психологическая наука”, рассматривая последнее лишь как одну из подструктур системы психологического познания, которая развивается в комплексе со всеми другими его формами; 2) с точки зрения системного подхода наиболее адекватен целостный анализ психологического познания в его реальной диалектике, разнообразии исторических форм.

С позиций системного подхода разработаны и основные принципы истории психологии, представляющие связанную совокупность исходных методологических оснований историко-психологического исследования и направленные на основную задачу – всестороннее и достоверное описание исследуемой реальности. К числу указанных относятся следующие принципы: детерминизма; историзма; системности; социокультурной обусловленности развития психологии; единства логического и исторического; объективного анализа исследуемых процессов, исключающего презентистские тенденции и субъективистские интерпретации в истории психологии; критического и одновременно конструктивно-позитивно ориентированного анализа и оценки исторического прошлого в развитии психологической мысли;

субъектного подхода при анализе творческого наследия ученых и учета личностного вклада в развитие психологического познания; единства коллективного и индивидуального творчества; единства прошлого, настоящего и будущего; целостности и полноты источников разработки конкретных проблем истории психологии; использования разнообразных методов исследования (качественных и количественных) [8].

Указанные методологические подходы реализованы сотрудниками лаборатории при изучении историогенеза отечественной научной психологической мысли и прежде всего при рассмотрении развития психологии в XVIII в. Особенностью указанного периода являлось утверждение в русском общественном сознании идей Нового времени, появление и развитие просветительских взглядов и на этом фоне – возрастание интереса к человеку, антропологизация всех областей культуры. Указанные социально-культурные особенности рассматриваемого периода явились питательной почвой для становления научного психологического знания, которое, однако, в это время еще не выделилось в качестве самостоятельной дисциплины, продолжая развиваться в русле разных сфер общественного сознания и практики. Этим определялась тесная, корневая связь психологической мысли XVIII в. с тем общекультурным и общенаучным контекстом, в рамках которого происходило ее формирование. Исторические особенности эпохи Просвещения, тесная связь психологического знания с культурой этого времени, непосредственная укорененность в ней, обусловили логику проведения конкретного историко-психологического исследования – выделение тех областей общественного сознания и практики, где наиболее значительно были представлены психологические идеи (наука, философия, искусство, религия, языкознание, медицина, педагогическая практика), а также вычленение и систематизация последних с использованием метода психолого-исторической реконструкции. Результатом исследования явилось воссоздание структуры психологического знания, включающего ряд направлений, формирующихся в широком социально-культурном контексте: психолого-педагогического, этнопсихологического, общепсихологических представлений о личности и индивидуальности, знания о труде и трудящемся. Полученные данные представлены в коллективной монографии “Психологическая мысль России века Просвещения”, подготовленной сотрудниками лаборатории истории психологии и исторической психологии РАН – В.А. Кольцовой, Ю.Н. Олейником, Б.Н. Тугайбаевой, О.Е. Серовой с привлечением ряда других авторов [12].

Целостное изучение развития психологического знания предполагает раскрытие и описание всех компонентов его внутридисциплинарной

структуры, включающей совокупность направлений и проблемных областей. Анализ психологической науки начала XX в. привел к выделению трех основных направлений ее развития: 1) *экспериментального подхода*, базирующегося на идеях И.М. Сеченова о психологии как естественно-научной, объективной, экспериментальной дисциплине, развивающейся в союзе с физиологией, и представленного прежде всего трудами крупных ученых, основателей и сотрудников первых экспериментальных лабораторий; 2) *эмпирической психологии*, объединяющей ученых различных ориентаций, признающих основные положения программы развития В. Вундта, (независимость сознания от внешнего предметного мира, изоморфизм психического и физиологического, внутриспихическая детерминация, интроспективный метод изучения психики); 3) *духовно-нравственного направления*, в основе которого лежало понятие “душа” как особая реальность, не объяснимая законами объективной действительности.

Характеристика развития психологии в России в начале XX в., ее основных направлений представлена в книге “Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории” [13].

В отечественной историографии главное внимание уделялось анализу истории естественно-научного, экспериментального направления (М.Г. Ярошевский, Е.А. Будилова, А.Н. Ждан, Е.С. Кузьмин и В.А. Якунин), развивающегося в русле требований научной доказательности и соответствующего тенденциям становления психологической науки в СССР. Разработка данного направления занимает существенное место в исследовательской деятельности лаборатории истории психологии и исторической психологии: изучены предпосылки и история становления экспериментального подхода в отечественной психологии, его специфика и отличие от западноевропейской традиции; проанализирована деятельность первых русских экспериментальных лабораторий (см. работы “История становления и развития экспериментально-психологических исследований в России”. М., 1987; “История и некоторые актуальные проблемы экспериментально-психологических исследований”. М., 1988). Предметом рассмотрения было творческое наследие известных отечественных и зарубежных ученых-экспериментаторов: В.М. Бехтерева, А.Ф. Лазурского, Б.Г. Ананьева, Б.Ф. Ломова, В. Штерна [2–4, 9–11, 14].

В условиях, утверждающихся ныне в научном знании плюрализма и переосмыслении многих проблем, естественно, возрастает интерес к тем направлениям, подходам и персоналиям, которые оставались за пределами историко-психологического изучения. Так, в последние годы произошло новое прочтение истории эмпирической психологии в России и взглядов ее наиболее крупных

представителей – Г.И. Челпанова, А.П. Нечаева, Н.Я. Грота и др. (работы В.В. Аншакова, В.В. Большаковой, А.Н. Ждан, Т.Д. Марцинковской, А.А. Никольской).

Однако слабо изученным в российской историко-психологической науке по-прежнему остается духовно-нравственное направление, которое в дореволюционный период было наиболее представительным, глубоко разработанным и органически связанным с русской культурной традицией, основывающейся на идеях и ценностях православного вероучения. Н.А. Бердяев отмечал, что для русского сознания XIX в. характерен интерес к соединению теоретического и практического разума, достижение целостности в познании. А это предполагает “познание совокупностью духовных сил, а не одним разумом”, из чего он делает вывод, что не только собственно богословские учения, но и русские безрелигиозные – социализм, народничество, анархизм, нигилизм и самый наш атеизм – имели религиозную тему и переживались с религиозным пафосом¹. Как указывает в своем труде Франк, “все глубочайшие русские мыслители и философы были одновременно религиозными философами и богословами”². Указанное направление было разнообразным по проблематике и включало труды крупных деятелей церкви (Д. Ростовского, И. Брянчанинова, С. Булгакова, И. Кронштадского, архиепископа Херсонского, митрополита Антония (Храповицкого), П. Флоренского и др.), преподавателей психологии в духовных академиях и семинариях (С.С. Гогоцкого, В.И. Несмелова, В. Серебренникова и др.), а также известных философов и психологов духовно-религиозной ориентации (Л.М. Лопатина, С.Л. Франка, В.Ф. Эрн, Н.А. Бердяева, Н.О. Лосского, П.Д. Юркевича, В.В. Розанова, И.И. Лапшина, С. и Е. Трубецких и др.). Запрещенная в начале 20-х гг. XX в. как не соответствующая идеологии нового советского общества духовно-религиозная философско-психологическая мысль на многие десятилетия исчезает из отечественной науки, перестав, одновременно, быть и предметом историко-психологического анализа. В оценке и изложении сущности психологических учений духовно-религиозного толка преобладали не научно-познавательные, а идеолого-политические и атеистические мотивы. А это, в свою очередь, существенно обедняло отечественную психологическую мысль и являлось причиной создания искаженной картины ее развития, представляемой, главным образом, как “триумфальное шествие” естественнонаучной парадигмы, к которой сводились и все основные достиже-

ния в исследовании психической реальности. При этом отсутствовала адекватная оценка других направлений и течений, в рамках которых также накапливалась богатейшая психологическая феноменология и делались серьезные обобщения, касающиеся закономерностей психической жизни.

Крупнейший отечественный методолог истории психологии Б.М. Теплов указывал на необходимость исключительной корректности и взвешенности при проведении анализа и оценки научного наследия ученых и мыслителей различных направлений психологии. Он выступал против абсолютизации идейной направленности рассматриваемых подходов, писал о важности акцентирования внимания прежде всего на собственно научном содержании разрабатываемых в их русле идей. “Не следует думать, – писал он, – что ученый, стоящий на неправильных и даже реакционных для своего времени позициях, не может сделать важных научных открытий в специальной области. И наоборот, не следует думать, что всякое специальное положение, защищаемое ученым, стоящим на прогрессивных теоретических позициях, всегда и обязательно верно”. Чрезвычайно актуальными представляются также идеи Теплова о необходимости выявления и отражения подлинной преемственности в развитии знания, о том, что история психологии не должна “начинать каждый раз свое развитие с нулевой точки зрения”, “с земли”, что она призвана раскрыть “историю развития положительных психологических знаний, а не представлять эволюцию науки в виде галереи взаимоисключающих теорий”. Именно эти положения, ориентирующие исследователя на проведение конструктивно-позитивного анализа, послужили для нас опорной точкой при постановке и исследовании проблем развития духовной психологии в России.

Прежде всего нами была сделана попытка вычленить *базовые мировоззренческие принципы*, объединяющие разные течения психологической мысли духовно-религиозной ориентации: интуитивность в поисках истины; религиозно-эмоциональное (в противоположность строго рационалистическому) толкование жизни и человека; примат морального и социального начала в мировоззренческих построениях; религиозность как принцип философствования; персонализм или единство мысли и индивидуального мира личности; онтологизм или признание примата жизненного факта над мышлением. Последнее является наиболее существенным моментом, позволяющим в самом общем виде обозначить ключевые идеи духовной психологии как *психологический онтологизм*, ибо, как отмечал В.Ф. Эрн, русская философская мысль в отличие от рационалистических построений мезонизмического типа (с их отвлеченностью от жизни, отрешенностью от сущего) всегда “существенно конкретна, т.е. про-

¹ Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М., 1990, с. 183.

² Франк С.Л. Духовные основы общества. М., 1992, с. 293.

никнута онтологизмом, естественно вытекающим из основного принципа Логоса”³.

Представляет, с нашей точки зрения, интерес понимание души (психики), вытекающее из общей концептуальной направленности духовной психологии – как сферы внутренней реальности, идеальной сущности, непротяженной по своей природе, безграничной по своим потенциям, лишенной в своем развитии временных пределов и неизмеряемой (С.Л. Франк). Созвучна современным представлениям идея об органической целостности слитности души, невозможности ее разделения на части, уровни. Утрата единства души оценивается как равносильная ее смерти. Согласно Франку, душа “есть не механическая мозаика из каких-то душевных камешков, называемых ощущениями, представлениями и т.п., не сгребенная кем-то куча душевных песчинок, а некоторое единство, нечто первично-сплошное и целое, так что, когда мы употребляем слово “я”, этому слову соответствует не какое-то туманное и произвольное понятие, а явно сознаваемый (хотя и трудно определяемый) факт”⁴. Соответственно и задачами “философской психологии” (как он называл ее) является познание не отдельных, единичных, обособленных душевных явлений (что определяется как “психологическая атомистика”), а природы “души” в целом; определение ее места в общей системе понятий и отношений к другим областям бытия. Объектом психологии с этой точки зрения является целостный человек как носитель духовной реальности.

Представляет интерес оригинальная трактовка таких личностных конструктов, как “любовь”, “совесть”, “ответственность”, рассматриваемых в русле духовной психологии в качестве центральных, системообразующих подструктур психического мира человека и практически либо утраченных совсем, либо вытесненных на периферию проблемного поля в современной психологии. Огромная заслуга духовной психологии состояла во введении в психологическое исследование нового измерения – духовного – и раскрытии его места в структуре человека и его функций как главного определителя жизнедеятельности. А с этим было связано рассмотрение целого блока важных проблем бытия человека: его целей и ценностей, смыслов жизни, отношения к смерти и разным сторонам действительности. То есть по сути ставились те проблемы, которые в настоящее время являются основным предметом изучения в экзистенциальной психологии. Не случайно, Бинсвангер опирался в своих разработках на труды С.Л. Франка, рассматривая его как одного из ос-

новоположников экзистенциальной психологии. Огромное внимание уделялось представителями данного направления проблеме нравственности, вопросам воспитания и совершенствования личности, что представляет сегодня огромный не только научный, но и практический интерес в связи с остро звучащими вопросами нравственно-духовного возрождения и оздоровления общества. Изучение этого богатейшего и пока еще слабо освоенного современной наукой опыта духовно-нравственного постижения человека – специальная новая задача лаборатории. Имеются первые результаты – рукопись коллективного труда “Очерки развития духовно-нравственного направления в философско-психологической отечественной мысли”, подготовленная сотрудниками лаборатории (А.А. Гостевым, В.А. Елисеевым, В.А. Кольцовой, Ю.Н. Олейником, В.А. Сосниным, Л.М. Сосниной, О.Е. Серовой, Б.Н. Тугайбаевой), работы В.А. Елисеева [6] и А.А. Гостева [5], разделы в книгах, издаваемых лабораторией [1, 7]. Проводится работа по реконструкции историгенеза исследования психологии народа, опирающейся на духовные традиции (О.Е. Серова); рассматриваются особенности разработки проблемы любви в русле отечественной духовно-религиозной мысли (Б.Н. Тугайбаева); анализируются характеристики древневосточных психологических идей, содержащееся в них понимание сознания, личности, саморегуляции поведения, деятельности (Г.В. Ожиганова).

Особое внимание в работе лаборатории уделяется исследованию российской послереволюционной психологической мысли в социально-историческом контексте и всестороннему осмыслению ее итогов, выявлению как достижений, так и негативных тенденций, требующих преодоления в современном научном сознании и практике.

Социалистическая революция 1917 г., прервав преемственное развитие психологической мысли, заложила новые ориентиры, существенно предопределившие судьбу психологической науки в России в XX столетии. История отечественной психологии фактически раскололась на две эры – дореволюционной и постреволюционной научной мысли. Социальная революция повлекла качественную перестройку в научном мировоззрении, в понимании человека и его внутреннего мира. Начался новый этап в развитии психологии, осуществляющийся без должной опоры на богатейший многовековой опыт познания психической реальности в русской науке, который был в значительной своей части отвергнут по идеологическим соображениям. Однако несмотря на серьезные трудности и ограничения, в которых приходилось существовать и развиваться советской психологии, благодаря огромным творческим усилиям ученых, их человеческому и гражданскому мужеству, в СССР возникла новая оригиналь-

³ Эрн В.Ф. Борьба за Логос. Нечто о Логосе, русской философии и научности: Сочинения. М., 1991, с. 86.

⁴ Франк С.Л. Душа человека. Опыт введения в философскую психологию. М., 1917, с. 17.

ная научная школа, характеризующаяся специфическими традициями и подходами.

В последнее время нередко встречаются попытки отвергнуть, как это уже было ранее, многие основополагающие идеи и достижения предшествующих этапов и, прежде всего, советской психологии, и заняться поиском точек опоры в иных системах психологического знания. Следует отметить, что сама по себе возможность выбора разнообразных методолого-теоретических ориентаций, утверждение принципов плюрализма как бесспорное завоевание демократизации науки заслуживает самой положительной оценки. Однакостораживает появившаяся в последние годы тенденция недиалектического, безапелляционного отрицания прошлого. Возникает вопрос: не приведет ли подобное отношение к истории к очередному разгрому психологии, пусть даже и под красивыми лозунгами? Как отмечал М.Г. Ярошевский, история – это память науки, ее забвение ведет к “патологии в науке”.

Недопустимость исторической амнезии становится особенно очевидной, если принять во внимание серьезные достижения и успехи в развитии психологической науки. Свидетельством тому служат сформировавшиеся в нашей стране оригинальные научные идеи, теории и подходы, многочисленные научные школы, разнообразный опыт взаимодействия психологии и практики.

К числу значимых достижений в научно-содержательной сфере относятся: глубокое познание механизмов функционирования психики, обеспеченное традиционно тесными связями отечественной психологии с естественнонаучными дисциплинами; исследование психики в контексте деятельности и общения; в структуре целостной личности и индивидуальности; реализация генетического, комплексного и системного подходов в психологии и т.д.

Сильной стороной психологической науки в СССР являлась *целостная, системная организация ее внутринаучной структуры*. Часто этот момент единства не учитывается и не рассматривается, что объясняется доминированием в историко-психологическом анализе “школьного” и “персоналистического” подходов, ориентированных на акцентирование различий между рассматриваемыми структурами. Принципиальной особенностью нашего подхода в историко-психологическом исследовании являлось концентрирование внимания не на поиске различий между разными научными коллективами и учеными, а на выявлении того общего, что объединяет их в рамках единой научной школы-направления – советской психологии.

Следуя указанной научной стратегии, мы попытались описать единое методологическое основание (систему принципов, методических требований к организации познания психической ре-

альности, само ее понимание), которое выступает условием превращения дезинтегрированного полимодального по своим содержательным и концептуальным характеристикам психологического знания во внутренне связанное, системно организованное научное сообщество.

Указанный методологический каркас, говоря словами Т. Куна, выступал в качестве парадигмы, задающей направления развития, нормы и стратегию проведения исследований и обеспечивающей интеграцию и систематизацию данных (полученных учеными, представляющими различные мета-теоретические подходы и области психологии) в *русле единой системы психологической науки*. То есть формировалась систематизация более высокого, чем это было ранее уровня – не внутри творчества учетного или отдельных его групп (научных школ в узком смысле слова), а в рамках всей психологической науки в СССР, что и стало основой создания особой научной школы-направления (в самом широком смысле слова) – советской психологии. А отсюда вытекала консолидированность усилий членов психологического сообщества, утверждение кооперативных форм научного взаимодействия.

Как указывает Кун, наличие парадигмы выступает показателем зрелости развития науки, обуславливает усиление интенсивности научных исследований, тщательность и глубину анализа явлений.

На базе парадигмального подхода формируются научные традиции, являющиеся специфическим атрибутом, референтом “нормального” развития науки. К числу наиболее ярких и устойчивых традиций, сложившихся в отечественной психологии в XX столетии, относятся: объективный подход в исследовании психики; естественнонаучная ориентация психологии; высокая теоретичность и отсутствие позитивистских тенденций; единство теоретического и эмпирического уровня в структуре научного знания; целостный взгляд на психические явления, реализующийся в принципах комплексного и системного подходов и т.д. Единство методолого-теоретических оснований породило и оригинальное понимание психической реальности, включающее ее всестороннее и полное описание и охватывающее все ее значимые свойства и характеристики. Описание обобщенной модели понимания и исследования психики в рамках традиции, сложившейся в 20–80-е гг. XX в. в российской психологии, содержится в книге “Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории” [13].

Методологическое единство и системность организации советской психологии не только не исключали разнообразия различных теоретико-эмпирических подходов и концепций и их полемику, а, наоборот, определяли особую ее остроту, обусловленную возможностями реального сопостав-

ления данных, полученных в рамках разных школ, существующих в едином методологическом пространстве.

Следует отметить также организационное единство и высокую мобильность в деятельности психологического сообщества, что позволило нашим ученым выстоять в трагический для науки период репрессий 20-30-х гг., успешно решить сложнейшие задачи, поставленные перед советскими психологами в военное время, отстоять ее самостоятельность в послевоенных дискуссиях.

Яркой иллюстрацией высокопродуктивной и подлинно совместной творческой деятельности советских ученых, ориентированной на решение широкого круга теоретических и практических задач, является работа психологов в годы Великой Отечественной войны. Этим вопросам посвящен ряд публикаций сотрудников лаборатории (В.А. Кольцова, Ю.Н. Олейник) и прежде всего – коллективная монография, подготовленная совместно с американскими учеными А. и К. Гилгенами “Советская и американская психология в годы второй мировой войны” [15]. В ней на большом фактологическом материале проведен сопоставительный кросс-культурный анализ развития американской и советской психологии в годы войны. Это позволило, с одной стороны, выделить общие характеристики и создать модель функционирования психологии в экстремальных условиях военного времени, включающую описание требований и нормативов к проведению исследований, особенности проблемного поля и структуры научного знания; с другой – рассмотреть отличия в развитии психологической науки в СССР и Америке с учетом специфики социально-культурного контекста, места психологии в системе наук этих стран, ее предвоенного состояния, характера решаемых учеными задач и конкретных условий их реализации.

В ходе сопоставительного анализа получены следующие выводы:

1. *Состояние советской и американской психологии, их статус в обществе накануне войны существенно отличались.* Это было обусловлено как внутринаучными характеристиками развития психологии в этих странах, так и спецификой социокультурной детерминации, определяющей содержание, структуры и основные направления психологических исследований, а также статус психологической науки в СССР и США.

Для советской психологии конца 30-х гг. были характерны: утверждение единого методологического основания (марксистская философия); жесткие государственно-идеологические санкции и контроль за наукой; возникшая вследствие этого узость дисциплинарно-отраслевой структуры, выражающаяся в сворачивании исследований в области социальной психологии, психотехники, педологии, в отказе от разработки проблем индивидуаль-

ности, профпригодности, способностей и задатков и др., в отсутствии масштабных исследований в области военной психологии. Следствием печально известного Постановления 1936 года “О педологических извращениях в системе наркомпросов”, содержащего резкую критику исследований в области педологии и тестологии, и последовавшего за этим разгрома психотехники, явилась недостаточная разработка прикладных психологических проблем и ограниченный спектр используемых в психологии методов и методик. Влияние психологии на различные сферы общественной практики, на решение социальных задач становится крайне незначительным, поскольку существовавший в СССР в это время политический режим не нуждался в гуманистически ориентированных психологических средствах управления общественными процессами и развитием личности. Единых централизованных органов интеграции усилий психологов в предвоенный период не существовало. То есть *к началу войны советская психология подошла в крайне ослабленном состоянии.*

Положение американской психологии в предвоенные годы, наоборот, можно охарактеризовать как вполне благополучное. Она представляла собой хорошо и стабильно финансируемую многоотраслевую область знания, усилившуюся за счет волны эмиграции европейских ученых и представленную теоретическими и прикладными разработками. Американские психологи, начиная с конца 30-х гг., усиленно готовились к войне, анализировали опыт первой мировой войны, перефигурировали свою тематику. Для координации мобилизации усилий ученых и их оперативного информирования был создан специальный комитет на базе Национального исследовательского совета, состоящий из представителей важнейших психологических ассоциаций. В итоге еще до войны более половины членов Американской психологической ассоциации (около 2,5 тысяч человек) были привлечены к деятельности, связанной с отражением агрессии в военных условиях (использовались для работы с кадрами, в медицинских учреждениях, в исследовательской деятельности оборонного значения).

2. *Функционирование советской и американской психологии в годы Второй мировой войны (несмотря на различия в ее исходном, предвоенном, состоянии и статусе) характеризуется рядом сходных тенденций,* определяемых, в значительной мере, общностью экстремальных условий деятельности психологических сообществ обеих стран в рассматриваемый период, а также единством их целевой направленности. *К общим чертам относятся:* а) активное включение психологии в разработку конкретных практических проблем в ответ на требования военного времени; б) существенное усиление прикладных воен-

но-психологических разработок в общей структуре исследований; в) формирование новых организационных форм взаимодействия психологов и новых исследовательских структур в сфере психологии; г) существенное влияние психологии на формирование национального самосознания народа; д) продолжающуюся разработку общепсихологических аспектов, несмотря на приоритетное значение прикладных и научно-практических исследований.

3. В то же время наблюдались *серьезные различия в развитии психологии в СССР и США* в силу специфики геополитических условий, характера экономической, военной и политической включенности стран в войну (для СССР это проявлялось в развертывании военных действий непосредственно на его территории, эвакуации большинства психологических исследовательских и учебных центров в восточные районы; в продолжительности участия советского народа в боевых действиях; в трудностях коммуникаций с коллегами, получения зарубежной литературы и опубликования новейших результатов научно-практических разработок и т.д.). Это отразилось на *доминирующей тематике психологических исследований* (так, в советской психологии больше, чем в американской, была представлена медико-психологическая, психолого-педагогическая, историко-психологическая проблематика; в американской же, – социально-психологическая, психодиагностическая и профессиографическая). Существовали различия и в *организационной структуре психологии* (в СССР ее укрепление в значительной мере осуществлялось за счет формирования новых центров и институтов в городах и регионах, куда были эвакуированы ведущие психологические центры из Москвы, Ленинграда, Харькова и других городов европейской части страны, в Америке – за счет кадрового, финансового, материально-технического усиления уже существующих центров и учреждений). Наконец, было различие и в *финансировании научных разработок* в области психологии (в СССР не существовало частного финансирования исследований, общественных фондов поддержки психологии, имело место только государственное финансирование, что в условиях военного дефицита средств создавало большие трудности; в Америке же часть исследований по заказу военного ведомства выполнялась в частных корпорациях и университетах, или через их посредничество).

4. Вторая мировая война оказала *существенное воздействие на дальнейшее послевоенное развитие психологии*. В СССР это выразилось следующим образом. *Во-первых*, именно в период 1941–1945 гг. психологи получили большой эмпирический материал, позволивший уже во время войны и в первые послевоенные годы подготовить ряд фундаментальных трудов обобщающего

характера (работы Б.М. Теплова, С.Л. Рубинштейна, Б.Г. Ананьева, А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурии и др.), предопределивших развитие отдельных психологических отраслей (нейропсихологии, военной психологии, психофизиологии). *Во-вторых*, был восстановлен общественный статус психологии, что отразилось не только в создании новых психологических центров и координирующих органов, увеличении общего числа психологов, во введении психологии как обязательного для изучения предмета в средней общеобразовательной школе, присуждении ряду психологов и психофизиологов правительственных наград и премий, но и в негласном снятии запрета на использование психодиагностических, в том числе тестовых, методик, а также на разработку отдельных проблем психотерапии, индивидуальной психологии, социальной, педагогической психологии и психологии труда. Иными словами, успехи психологии науки в годы войны в значительной мере ослабили негативное отношение государственных и партийных чиновников к психологии как науке, а у самих психологов “сняли” комплекс страха за профессиональную принадлежность к психологическому сообществу и чувство вины за просчеты педологического и психотехнического движения начала 30-х годов. Можно сказать, что психология после разгромного Постановления 1936 г. была реабилитирована в глазах общест-венности. *В-третьих*, изменяется внутридисциплинарная структура психологии и тематика психологических исследований: формируются новые отрасли (нейропсихология, военная психология); активизируется изучение исторических аспектов развития психологии и разработка психолого-педагогической проблематики; после длительного перерыва был дан импульс для возрождения социальной психологии и психологии труда; увеличивается доля конкретно-прикладных разработок, связанных в первую очередь с решением задач военного времени (повышением боеспособности бойцов, цветомаскировкой, психологической реабилитацией и восстановлением трудоспособности раненых и т.д.). *В-четвертых*, укрепляется организационная структура психологической науки (в 1944 г. открываются кафедры психологии в Московском и Ленинградском университетах; в 1945 г. организован НИИ психологии на Украине и т.д.); расширяется географическая представленность психологии: благодаря деятельности научных и учебных психологических учреждений в местах их эвакуации в послевоенное время отмечается бурный рост психологических лабораторий, учебных кафедр и формирование психологических сообществ в тех регионах, где до войны они не существовали. *Наконец*, война, предъявив суровые и жесткие требования к психологическим подходам, теориям и концепциям, явилась важным критерием их проверки на действительность, практичность, социальную лабильность,

что в немалой степени определило рост прикладных направлений психологии в послевоенные годы. Все это позволяет сделать вывод, что период войны, несмотря на колоссальные трудности и потери, оказал позитивное воздействие на советскую психологию, создав благоприятные предпосылки для преодоления кризиса предвоенных лет и дальнейшего ее развития.

В американской психологии под влиянием войны начинаются интенсивные разработки в области клинической и социальной психологии; осуществляется профессионализация прикладной психиатрии; активизируются исследования проблем психофизики, инженерной психологии. В качестве наиболее важного теоретического достижения тех лет наши американские коллеги определяют сложившуюся теорию восприятия Джеймса Дж. Гибсона.

Но, наряду с достижениями в развитии российской психологии XX столетия, есть и такие аспекты научной жизни психологического сообщества, которые требуют серьезного переосмысления и реформирования.

Как нам представляется, психология уже не может развиваться сегодня как монометодологическая область знания. Исторический опыт показывает, что наряду с определенными преимуществами наличие единой методологической парадигмы вносит и существенные ограничения в развитие психологии, сдерживая расширение диапазона научных исследований, отсекая многие важные направления и подходы, не укладывающиеся в ее рамки. Современный исследователь должен быть свободен в выборе адекватных его идеям теорий или подходов. При этом традиционные для отечественной психологической науки психологии принципы и подходы, конечно же, могут и должны существовать, но не как единственно возможное, а и как одно из возможных мето-теоретических оснований развития психологической науки.

С этим связана и еще одна важная тенденция, все активнее проявляющаяся и рефлекслируемая в настоящее время психологическим сообществом – представленность и соотношение в структуре психологического знания наряду с естественнонаучно ориентированной парадигмой и экспериментальными методами исследования, фактически безраздельно доминировавшими в советской психологии, описательных, гуманитарных течений. Приоритет гуманитарных подходов в XXI столетии прогнозируется и в других областях знания (см. «Философия и методология науки / Под ред. В.И. Купцова. М., 1996). Переход в русло гуманитарного подхода означает прежде всего отказ от узкосциентистского взгляда на человека и его психический мир, от позитивистских моделей его изучения, замену или дополнение номотетического метода исследования идеографическим, до-

пущение наряду с объяснительной и описательной методологии научного анализа, углубление познания личностно-субъектной ипостаси человека. Как нам представляется, гуманистический подход наиболее адекватен сущности психологической науки, соответствует ее духу. Но при этом возникает вопрос: не приведет ли одностороннее увлечение гуманитарно-ориентированными, описательными подходами и представлениями к уменьшению эвристического потенциала психологии, сокращению ее эмпирического базиса как основы создания полноценной, добротной научной теории? И не отразится ли это на уровне доказательности и систематизации, рассматриваемых в современном науковедении и философии науки в качестве важнейших показателей и критериев признаков научности.

Важная проблема, к которой приводит ретроспективный анализ развития психологической мысли, и с которой мы сегодня столкнулись вплотную в условиях развития психологии в системе рыночных отношений, – это допустимый и необходимый уровень прагматичности психологического знания. Не одобряя наметившийся крен в сторону коммерциализации науки, нельзя не признать в то же время, что нам не хватает здорового прагматизма, необходимого для сохранения и развития психологии. И корни здесь так же уходят в историю: отчасти в традиционную для отечественной психологической мысли антипрагматичность, о чем очень ярко писал в начале XX в. В.Ф. Эрн, критикуя учение Джемса как категорически, с его точки зрения, неприемлемое для ориентированной на высшие духовные ценности русской науки; отчасти – в послереволюционную историю, когда наука была фактически лишена какой-либо экономической самостоятельности.

Одним из уроков развития российской психологии в XX столетии, требующим серьезного осмысления, является соотношение науки и идеологии, отражающее то критическое положение, которое породило множество трагических страниц в недавней нашей истории: это и запрещение по идеологическим соображениям духовной психологии, и разгром поведенческого направления и психоанализа, и идеологические дискуссии по педологии и психотехнике, завершившиеся их закрытием, и печально известная павловская сессия, и космополитическая кампания в психологии. Конечно, психология и идеология связаны как сферы общественного сознания; их взаимодействие в обществе неизбежно, и, как отмечает известный исследователь социальной истории науки К. Мангейм, имеет и положительные аспекты – идеология формулирует науке социальный заказ, стимулирует тем самым ее развитие; используя свои ресурсы, она также популяризирует и пропагандирует научные достижения. Но пози-

тивный компонент указанного взаимодействия исчезает, как только идеология и политика, переступая свои границы, начинают непосредственно вмешиваться в научную жизнь, контролировать ее, диктовать ученым способы решения научных задач, оценивать полученные результаты. В условиях нестабильного современного общества нам необходимо помнить об этих горьких уроках нашей истории, тщательно охраняя и отстаивая право психологии на свободное развитие и самовыражение.

Важность проблем научной рефлексии современного состояния психологии как основы ее перспективного самоопределения, их чрезвычайно слабая разработанность, а также отсутствие строго инструментальных методов оценки актуальных событий и результатов научной деятельности, побудила нас обратиться к эмпирическому рассмотрению данной проблемы⁵. Под руководством В.А. Кольцовой в лаборатории было проведено исследование, цель которого – *выявление направлений и тенденций развития российской психологии на рубеже 80–90-гг. XX века*.

Следует признать, что последние десятилетия развития психологии в нашей стране во многом представляют собой неизученную реальность. Накопленные в этот период психологические знания пока должным образом не отрефлексированы. Науковедение утверждает, что вообще зона, охватывающая 15-летний период, удаленный в прошлое от настоящего момента, – это своеобразное “слепое пятно” в истории науки, ибо, уже став фактически прошлым, он еще не воспринимается в таком качестве. Знание, сконцентрированное на этом отрезке, еще не устоялось, не закрепились в сознании в виде сложившихся, твердо кристаллизованных научных конструкций; оно динамично, изменчиво, что существенно затрудняет его качественный анализ. Преодолеть эти ограничения и дать достоверную картину исследуемой реальности в этом случае позволяют количественные методы, достоинство которых – в возможности получения на их основе точной, объективной картины состояния психологии, упреждающей тенденциозность и презентизм оценочных суждений, нередко наблюдающихся в истории психологии.

Как отмечает известный историк Д.И. Ковальченко, качественные аспекты существования того или иного объекта органически связаны и находятся в единстве с его количественными характеристиками. Поэтому проводя количественные измерения, мы одновременно получаем данные о некоторых “специфических качественных особенностях данного объекта”.

⁵ Использованы данные, полученные в дипломной работе Н. Шишловой, выполненной в 2001 г.

Объектом проведенного исследования выступил весь массив книжных публикаций по психологии, вышедших в 1980–1995 гг. и запечатленных в “Ежегоднике книги” – издании Книжной палаты. Всего было проанализировано 2305 книжных публикаций, в том числе – 1052 книг за 1980–1989 гг. и 1253 – за 1990–1995 гг.

Выбор хронологических рамок исследования определялся историческими критериями – сопоставлением двух принципиально отличных периодов в истории развития общества и науки – советского и постсоветского, что давало почву для выявления особенностей социально-исторической детерминации психологического знания, позволяя проследить то, как происшедшие в нашей стране на рубеже 80–90-х гг. XX в. кардинальные изменения в политике и экономике отразились на научно-дисциплинарной структуре, направлениях и тенденциях развития психологии.

В работе была использована совокупность наукометрических процедур – сленговый метод, метод тематической классификации и подсчета числа книжных публикаций, экспертная оценка, а также методы статистической обработки – описательная статистика и кластерный анализ. Наукометрическим индикатором *научной продуктивности, актуальности и перспективности* психологической проблемы или направления выступала динамика роста числа научных публикаций. Это число являлось показателем “*напряженности проблемного поля*”, *точек роста и спада в науке*, стационарные распределения числа публикаций – основой выявления *проблемных зон* в научных направлениях. Скрытой, латентной переменной являются в данном случае *тенденции развития психологии* в указанной период, выступающие в качестве важнейшего момента исторического и структурно-функционального анализа любого развивающегося объекта.

Для проведения качественного анализа публикаций и их тематической классификации необходимо было использовать рубрикатор психологических направлений и проблем. За основу взяли перечень отраслей психологии, указанный в “Психологическом словаре” (под редакцией А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского, 1990). Учитывались сведения из других словарей, а также классификация отраслей психологии Б.Г. Ананьева и К.К. Платонова. В ходе работы рубрикатор дополнялся новыми направлениями и проблемами психологии. Результатом стала *разработка нами рубрикатора отраслей, направлений и проблем психологии*, учитывающая как сложившиеся, традиционные представления по этому вопросу, так и новые тенденции, наблюдающиеся в развитии современной психологии в последние годы.

Тематический анализ проходил в *два этапа*: распределение публикаций по отраслям и направлениям психологии и внутри направлений – по

проблемам. После проведения тематического анализа и распределения публикаций по отраслям и проблемам применялся метод подсчета числа публикаций, при этом счету подвергались именно проблемы (например, в заголовке публикации могла быть выделена одна, две и более проблем).

В ходе тематической классификации выделили 48 направлений психологии, включая научно-популярную литературу, а также 261 психологическую проблему.

Полученные данные, систематизированные по указанным критериям, позволили обнаружить ряд интересных тенденций, отражающих особенности развития психологии в последние два десятилетия.

Во-первых, выявлен неуклонный рост количества публикуемой литературы по психологии в 80–90-е гг., что свидетельствует о растущей значимости психологического знания в жизни общества, а также расширении внутренних ресурсов самой психологической науки.

Во-вторых, отчетливо прослеживаются связи роста количественных показателей развития науки с социально-историческими факторами (идеологическими, политическими), что отражается в “пиках” подъемов и спадов в количестве публикаций: подъем приходится на 1990 г., спад – 1992 г. Последнее, с нашей точки зрения, вызвано новыми социально-экономическими условиями в жизни общества, к которым наука не может приспособиться автоматически, для этого требуется определенное время, чтобы переосмыслить сложившееся положение и найти новые научные подходы и ориентиры.

В-третьих, отмечается несоответствие количества книжных публикаций и рассматриваемых в них проблем за счет таких, в которых охватывается сразу несколько проблем, что свидетельствует о расширении междисциплинарных связей. Это и есть, согласно данным науковедения, так называемые “точки роста” в развитии науки.

При изучении распределения публикаций по отраслям и направлениям психологии выделились 4 направления-фаворита, объем публикаций по которым составил от 200 до 503 печатных единиц:

1 место занимает общая психология (503);

2-е – социальная психология (387);

3-е – психология личности (230);

4 место – парапсихология (208).

Далее следуют публикации по убывающей направленности, объем которых составляет от 100 до 200 печатных единиц:

5-е – история психологии (171);

6-е – научно-популярная литература по психологии (145);

7-е – практическая психология (141);

8-е – возрастная психология (114).

Следующий уровень в порядке убывания:

9-е – психология труда (95);

10-е – психодиагностика (89);

11-е – педагогическая психология (75);

12-е – психология управления (63);

13-е – психология творчества (61).

Наименее представленные в книжных изданиях 80–90-х гг. направления, объем публикаций по которым не превысил 5 печатных единиц:

сравнительная психология (1);

нейропсихология (3);

эволюционная психология (3);

психометрия (4).

То есть наблюдается существенный разброс данных, неравномерная количественная представленность книжных публикаций по направлениям психологии – от более 500 публикаций за указанный период до 1–2-х, а значит – и различия в интенсивности их развития, что может объясняться как внутринаучными факторами, так и социально-исторической детерминацией развития науки.

Бесспорное лидерство по количеству научных публикаций принадлежит *общей психологии* как системному основанию психологической науки, определяющему развитие других ее отраслей, что отражает, как нам представляется имплицитные внутринаучные тенденции, а также сохранение присущего нашей науке традиционно высокого уровня теоретичности, систематичности. *Динамика развития* общей психологии характеризуется сохранением стабильности на протяжении 16 лет при наличии двух основных “пиков” – 1990 и 1994 гг.

Интенсивный рост социальной психологии связан, по-видимому, с усилением научно-практической и прикладной ориентированности психологических исследований, а также усложнением процессов социальной адаптации человека в условиях изменяющегося общества, определяющего объективный запрос к состоянию социально-психологического знания.

В то же время рассмотрение *динамики развития* социальной психологии свидетельствует о ее неравномерности. Быстрое развитие с 1984-го по 1990-й гг. и резкий спад с 1990-го по 1992-й гг. свидетельствуют о значительной зависимости развития данной отрасли от социального контекста, социальной детерминированности. Например, в “доперестроечный” период активно исследуется такая проблема, как “психология коллектива”, которая в постсоветское время почти исчезает из проблемного поля социальной психологии.

Приоритетная позиция психологии личности ярко отражает тенденции гуманизации психологии с присущим ей стремлением изучать человека в его целостности, уникальности, интересом к проблемам самосознания личности, к факторам ее развития и формирования. Вектор внешних влияний в этом направлении представлен усилением внимания к вопросам стрессоустойчивости личности, ее самоконтроля.

В динамике развития психологии личности с 1986-го по 1989-й гг. наблюдается плавное увеличение количества публикаций. В 80-е гг. начинает активно использоваться термин “человеческий фактор”. К 1995 г. число публикаций по психологии личности вырастает почти в два раза по сравнению с началом 90-х гг.

Интересен эмпирический факт – высокая представленность в структуре психологического знания *парапсихологии*. Представляется, что здесь высвечиваются “феномен конца века” и нестабильности общества, когда на фоне роста жизненных трудностей, утраты духовных основ, а также рубежного периода растет тревога за будущее, начинается поиск новых “мессий” и смыслов жизни, увлечение нетрадиционными видами целительства и пр. Спрос рождает соответствующее предложение на рынке книжной продукции. Данный факт – также показатель начавшегося методологического кризиса науки, размывания ее границ, утраты строгих критериев научности.

Интересна динамика роста публикаций по парапсихологии. Начавшись практически с нулевого уровня (в 1980–1982 гг.), это направление постепенно наращивает темпы, а с 1992-го г. происходит стремительный рост публикаций.

Радует уверенная позиция *истории психологии* в рейтинге научных направлений. Объясняется это тем, что в переломные моменты истории (а им с уверенностью можно назвать рубеж 80–90-х гг.) особенно сильно проявляется тенденция осмысления происходящего и рефлексии прошлого. Именно в кризисные периоды обостряется интерес к истории, стремление найти в ней точки опоры для дальнейшего движения. Как отмечает Н.А. Бердяев, само понятие “историческое” выступает как функция переломного, кризисного времени.

В *возрастной и педагогической психологии* “пик” роста публикаций совпадает и приходится на 1987 г., что является отражением общей тенденции гуманизации общества, а также начинающейся качественной перестройки образования. Но в дальнейшем динамика развития этих двух областей расходится. Возрастная психология демонстрирует прежний уровень по количеству публикаций, что говорит об устойчивом интересе исследователей к проблеме возраста, росте популярности проблем геронтогенеза, акмеологии. Число же публикаций по педагогической психологии в 90-е гг. идет на спад.

Резко сбавляет темпы развития сравнительно с доперестроечным периодом *психология труда*. Сказывается, видимо, глобальный кризис производства в нашей стране, в связи с чем и психология труда, ориентированная прежде всего на психологическое сопровождение производственных задач, теряет проблематику исследований. Сходная динамика – в *психологии управления и инженерной психологии*. Следует отметить появление

нового направления – *христианской психологии*, контуры которой начинают все больше обозначаться к середине 90-х гг. Ее развитие обусловлено потребностью людей в осмыслении и реализации своих духовных потребностей (особенно после десятилетий воинствующего атеизма), поиске духовных основ жизни.

Наблюдаются также устойчивый интерес и тенденция роста в области разработки *методологических проблем психологии*. Видимо здесь сказывается отказ от единой парадигмы в науке, кризис методологических оснований, что объективно предопределяет интерес к данной проблематике.

Количество *научно-популярной литературы* по психологии неуклонно возрастает на протяжении всего изучаемого периода. Это свидетельство возрастающего интереса к психологии, роста психологической культуры общества.

В ходе исследования (наряду с анализом дисциплинарной структуры психологии, интенсивности и динамики разработки ее направлений) проводилось также описание структуры и динамики проблемного поля психологии. Выявлены и рассмотрены зоны, характеризующиеся “напряженностью”, сгущением проблемных полей внутри направлений психологической науки. “Напряженность” проблемного поля свидетельствует об актуальности и перспективности проблемы, открывая тем самым возможности для прогностических заключений.

Изучение проблемных зон внутри направлений психологической науки с помощью метода подсчета количества публикаций и кластерного анализа позволило выделить из 261 проблемы 20, количественно представленных наиболее ярко.

Приводим перечень проблем, проранжированных в соответствии с количественной представленностью публикаций: психология общения (86); психологическое наследие ученых (65); психология личности (общие вопросы) (59); психология мышления и интеллекта (56); психология эмоций и чувств (49); история развития направлений в психологии (47); психотерапия (46); социальная психология (общие вопросы) (43); психология памяти (42); психологическое тестирование (41); психология сенсорно-перцептивных процессов (38); методы исследования в психологии личности (36); психология деятельности (29); психологический практикум (27); психология влияния (24); психология творчества (общие вопросы) (22); возрастная психология (общие вопросы) (19); психология сознания и самосознания личности (18); психология подросткового возраста (17); психология макросоциальных процессов (16).

Как видно, первое место по числу книжных публикаций по психологии за период с 1980-го по 1995-й гг. занимает *проблема общения*.

В 1980 г. опубликована лишь одна книга по данной тематике, в 1981 г. – 7, а в 1990 г. – уже 12.

Такое положение можно объяснить рядом причин. В психологии проблема общения как самостоятельная область исследования долгое время игнорировалась. Общение включалось в проблематику психологии деятельности. В 70–80-е гг. проблема общения становится ведущим направлением исследования в Институте психологии РАН. В основу его разработки была положена оригинальная научная программа понимания общения как важнейшей категории психологии, ее общепсихологического характера, специфики структуры и функций, выдвинутая Б.Ф. Ломовым. Сказывается и объективная роль общения как важнейшей сферы жизнедеятельности человека.

Динамика проблемы общения в целом может быть охарактеризована как крайне неравномерная: нарастание интереса с 1980-го по 1985-й гг., спад в 1984 г., затем опять резкое нарастание вплоть до “пика” в 1988 г. и второго – в 1990 г., после которого происходит резкое снижение интенсивности исследований в 1992 г.; после этого проблема общения вновь начинает плавно развиваться.

Вслед за данной проблемой по убывающей распределяются следующие проблемы: *психологического наследия ученых и истории развития направлений в психологии; общих вопросов психологии личности. Появляются новые проблемы: психологии духовности, акмеологии, суицидологии, проблемы наркозависимости, психологии безопасности жизнедеятельности, психологии социальной работы, создания информационных систем, психологии бизнеса, рекламы, имиджа и др.*

Для выделения отраслей, наиболее интенсивно развивающихся (“фаворитов”), и отраслей, наименее развивающихся, был проведен кластерный анализ, выделивший два основных кластера (K-means clustering).

В *кластер № 1* вошли 7 отраслей и направлений: *общая психология, социальная психология, психология личности, история психологии, парапсихология, практическая психология, научно-популярная литература по психологии.* В *кластер № 2* вошли все остальные отрасли и направления.

Кластерный анализ, проведенный относительно временных переменных, показал четко выделившиеся 2 кластера.

В *кластер № 1* вошел период с 1980-го по 1990-й гг. В *кластер № 2* – период с 1991-го по 1995-й гг. Таким образом, видно четкое разделение периодов по этому критерию на “советский” и “постсоветский”.

Характеризуя в целом общее состояние психологии в России на рубеже 80–90-х гг. XX в., мы можем обозначить его как переход от устойчивой, унифицированной и моноструктурной системы к новой, построенной на иных основаниях. Контуры ее уже можно прогнозировать с определенной степенью вероятности, опираясь на выявленные тенденции развития науки. Это:

– возрастание научно-практической и прикладной ориентированности психологических исследований; усиление связи с практикой и ее ориентирующей роли в развитии научно-исследовательской деятельности, что обуславливает интенсивное развитие таких отраслей и проблем, как практическая психология, психодиагностика, психотерапия, прикладные области социальной психологии;

– расширение проблемного поля исследований;

– усиление тенденций к внутринаучной рефлексии и активное освоение опыта зарубежной психологии;

– увеличение числа междисциплинарных комплексных исследований;

– лидирующее положение фундаментальной отрасли психологии – общей, что свидетельствует о сохранении тенденции фундаментальности научных разработок и системного строения психологии как результата влияния традиций отечественной науки и потребностей внутренней логики ее развития;

– одновременное появление и развитие социально детерминированного блока отраслей – психологии бизнеса, рекламы, имиджа, безопасности жизнедеятельности, а также психологии духовности, акмеологии, суицидологии, проблем наркозависимости и других;

– размывание границ классической научной психологии и проникновение в нее околонучных (парапсихология) и вненаучных (религия, искусство) идей;

– неравномерный, гетерохронный характер развития отраслей и проблем психологической науки в рассматриваемый период, проявляющийся в разновременности их подъемов и спадов.

Обнаружены различия в интенсивности и динамике развития дисциплинарно-проблемного строения психологии в “советский” и “постсоветский” периоды, что проявляется в резком увеличении количества публикаций по психологии и серьезном изменении проблемного поля исследований. Отход от старой идеологии, господствовавшей в обществе несколько десятилетий, привел к необратимым изменениям в содержании и структуре научного знания, что еще раз подтвердило: наука является социально детерминированным явлением и требует целостного системного описания, включающего анализ как ее внутринаучных закономерностей и детерминант, так и социально-культурных влияний.

Таким образом, исследования в области истории психологии, проводимые в лаборатории истории психологии ИП РАН, подтверждают продуктивность системной методологии как их важнейшего методологического основания. В перспективах деятельности лаборатории – дальнейшее углубленное исследование еще недостаточно изученных страниц отечественной истории психологии, проведение кросскультурных исследований в области истории

психологии, поиск наиболее адекватных методических подходов реконструкции прошлого, разработки в области исторической психологии, психологического источниковедения и историографии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Актуальные проблемы историко-психологического исследования. М., 2001.
2. *Ананьев Б.Г.* Психология чувственного познания // Памятники психологической мысли. М., 2001.
3. *Ананьев Б.Г.* Человек как предмет познания // Памятники психологической мысли. М., 2000.
4. *Бехтерев В.М.* Проблемы развития и воспитания человека (Избранные психологические труды) // Психологи отечества. С.-Воронеж, 1997.
5. *Гостев А.А.* Дорога из Зазеркалья: психология развития образной сферы (тренинг творческого воображения). М., 1998.
6. *Елисеев В.А.* Православный путь ко спасению и восточные и оккультные мистические учения. М., 1995.
7. История психологии и историческая психология: состояние и перспективы развития. Сборник тезисов третьих Московских встреч по истории психологии. М., 2001.
8. *Кольцова В.А., Олейник Ю.Н.* История психологии: теоретические и методологические проблемы исследований // Современная психология. СПб., 2000. Гл. 12.
9. *Лазурский А.Ф.* Избранные труды по психологии // Памятники психологической мысли. М., 1997.
10. *Ломов Б.Ф.* Проблемы и стратегия психологического исследования // Памятники психологической мысли. М., 1999.
11. *Ломов Б.Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии // ППМ. М., 1998.
12. Психологическая мысль России века Просвещения. СПб., 2001.
13. Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории. М., 1997. Ч. 1. Гл. 1–3.
14. *Штерн В.* Методологические основания дифференциальной психологии // Памятники психологической мысли. М., 1998.
15. *Gilgen R. Albert, Gilgen Carol K., Koltsova Vera, Oleinik Yuri.* Soviet and American Psychology During World War II. Westport, Connecticut, L., 1997.
16. *Koltsova V.A., Oleinik Y.N., Meshalkina N.* Life-Span Approach to the Study of Psychogerontology in Russia // States of Mind. N.Y. – Oxford University, 1997.

SYSTEM APPROACH AND ELABORATION OF HISTORICAL PROBLEMS OF RUSSIAN PSYCHOLOGICAL SCIENCE

V. A. Koltsova

Cand. sci. (psychology), head of the laboratory of history of psychology and historical psychology, IP RAS, Moscow

Methodological problems of history of psychology are considered. Within the framework of system approach there are analyzed the ways and methods of reconstruction of psychological knowledge development as a whole system determined with scientific factors properly and social-cultural factors, too. It is reasoned the necessity of qualitative methods of research in the history of psychology.

Key words: history of psychology, methodology, system approach, social-cultural determination of psychological knowledge development.